МГИМО МИД России
Институт международных исследований

КАВКАЗСКИЙ СБОРНИК

Том 13 (45)

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2021

История Грузинской Демократической Республики 1918–1921 гг. и современная российская историография

(на примере книги В.М. Муханова)

Владимир Владимирович НОВИКОВ

В августе 2019 г. в московском издательстве «Кучково поле» вышла монография старшего научного сотрудника Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО, к.и.н. В.М. Муханова «"Социализм виноградарей", или История Первой Грузинской республики: 1918–1921 гг.»[1]. В определенном смысле новая книга В.М. Муханова — это продолжение его совместной с сотрудником того же Центра М.А. Волхонским монографии «По следам Азербайджанской Демократической Республики», вышедшей в 2007 г.[2] Напомним, что та книга вызвала широкий резонанс в научных кругах России и стран ближнего зарубежья[3].

Нет сомнения, что и новая книга Вадима Муханова о Грузинской Демократической Республике привлечет внимание как отечественных, так и зарубежных специалистов. И тому есть несколько веских причин, первая из которых заключается в том, что политическая история (в первую очередь новейшая) постсоветских стран — это вопрос далеко не историографический.

В 2018 г. многие соседи России по постсоветскому пространству отпраздновали столетие провозглашения своей государственности после распада Российской империи. В этом ряду и Украина, и страны Балтии, и Молдавия, и три закавказские страны — Армения, Азербайджан и Грузия. Для большинства

из них события столетней давности — это не просто исторические сюжеты, а своего рода константы, которые определяют ключевые моменты внешней и внутренней политики. В странах Восточной Европы и постсоветского пространства исторический нарратив — это еще и политическая доктрина. В первую очередь определяющая отношение этих стран к России не только в историческом пространстве, но и в сегодняшней политической практике.

Прежде всего речь идет о государственном континуитете, т.е. о непрерывности государства как субъекта международного права и преемственности государственных обязательств. И вот здесь история и право плавно перетекают в политику. Государства постсоветского пространства в своем историческом и политическом развитии прошли неравномерный путь. Какие-то из этих государств имели государственность до своей инкорпорации в состав Российской империи (картвельские государства, Абхазия, Армения и др.). Какие-то современные государства своей государственности либо не имели (Азербайджан, часть среднеазиатских государств), либо имели квазигосударственные формы (Прибалтика, Украина).

Однако если рассматривать вопрос государственного континуитета постсоветских стран применительно к XX в., то можно говорить о том, что имело место несколько периодов существования этих стран.

Первый период — это 1917–1921 гг., когда в результате Февральской и Октябрьской революций произошли дезинтеграция территории бывшей Российской империи и появление на месте бывших губерний государственных и квазигосударственных образований. Если рассматривать эту ситуацию на примере прибалтийских стран, то этот период следует продлить до 1940 г. *Второй период* — это 1921–1991 гг. (в случае с Прибалтикой — 1940–1991 гг.). То есть период советизации и существования этих стран в составе СССР в качестве субъектов Советской Федерации. *Третий период* — с 1991 г. по настоящее время, т.е. период суверенизации советских республик, выхода их из состава СССР и становление их как независимых государств.

Важно отметить, что если значительная часть постсоветских государств признавала себя правопреемницами своих предшественниц — советских республик, то государства Прибалтики и Закавказья пошли своим путем. Они не просто заявили о своей независимости, но и конституировали свою связь с досоветской государственностью, заявив о разрыве с советской государственной традицией. Более того, такой разрыв сопровождался тезисом о советской оккупации данных республик. Так, в Акте о восстановлении государственности Грузии от 9 апреля 1991 г. говорилось, что «в феврале–марте 1921 г. Советская Россия, грубо нарушив мирный договор, заключенный между Грузией и Россией, путем вооруженной агрессии оккупировала признанное ею же Грузинское государство, а затем осуществила его фактическую аннексию. В состав Советского Союза Грузия вошла не добровольно, а ее государственность существует и сегодня. Акт о независимости Грузии и ее Конституция

и сегодня имеют юридическую силу, поскольку правительство демократической республики не подписало акт о капитуляции и продолжало деятельность в эмиграции»[4]. В аналогичном Конституционном акте «О государственной независимости Азербайджанской Республики» от 18 октября 1991 г. также утверждалось, что «27–28 апреля 1920 г. РСФСР, грубо поправ международные правовые нормы, без объявления войны ввела в Азербайджан части своих вооруженных сил, оккупировала территорию суверенной Азербайджанской Республики, насильственно свергла законно избранные органы власти и положила конец независимости, достигнутой ценой огромных жертв азербайджанского народа. Вслед за этим Азербайджан, так же как и в 1806–1828 гг., вновь аннексирован Россией»[5].

Единственной закавказской республикой, где не возобладала теория советской/российской оккупации, стала Армения. Там вопрос правопреемственности вообще обойден, а в историографии сформирована концепция «трех республик»: современная Армения провозглашает себя наследницей как Первой республики 1918–1920 гг., так и Армянской ССР[6].

Отметим, что тема «трех республик» ярко отразилась не только в историографии, но и в системе ведомственных наград и памятников. Так, памятник советскому маршалу И.С. Баграмяну в Ереване (он изображен на коне) является контаминацией двух периодов его жизни: когда он в молодости сражался за независимую Армению и когда в зрелом возрасте он был советским маршалом и принимал участие в Параде Победы 1945 г.[7] А система ведомственных наград армянской армии включает в себя медали «Гарегин Нжде», «Адмирал Исаков» и «Вазген Саркисян», которые названы так соответственно по именам военно-политического деятеля Первой республики, советского адмирала и политического деятеля и военачальника уже независимой Армении[8].

Необходимо сказать, что исторический нарратив, превращенный в политическую доктрину, перекрывает экономическую прагматику. Яркий пример — это современное состояние российско-грузинских отношений. С одной стороны, мы имеем прагматические экономические связи, которые вроде бы компенсируют отсутствие политических и дипломатических отношений. С другой стороны, в грузинских политических и академических кругах сформирован целый комплекс представлений о российско-грузинских отношениях, начиная с позднего Средневековья, который и определяет во многом именно политические реалии. Как пишут грузинские историки, «в лице России Грузия видела единоверного союзника, с помощью которого можно было избавиться от мусульманского завоевания и найти дорогу в Европу. Однако пребывание в Российской империи стало для Грузии новой формой рабства»[9]. Что же касается советского периода, то для грузинских авторов «февраль 1921 г. принес Грузии не освобождение и процветание, а обрушил на нее новые несчастья и испытания. Стремящаяся к независимости Грузия вновь оказалась в орбите, на этот раз коммунистической империи»[10].

Совершенно очевидно, что в настоящее время в грузинской исторической науке, а через нее и в политике господствует концепция двусторонних отношений, сводящаяся к формуле: «Грузия — жертва российской политики». Все внутренние неурядицы самой Грузии, отношения с соседями, конфликты с оказавшимися в ее составе этническими образованиями (Абхазией, Южной Осетией) рассматриваются исключительно сквозь призму российско-грузинских отношений, несмотря ни на какие другие возможные интерпретации. Одним из важнейших эпизодов, лежащих в основе подобной концепции, является недолгая история Грузинской Демократической Республики 1918–1921 гг.

В современной Грузии и на Западе написано огромное количество томов по указанному периоду, причем не только политико-публицистического характера, но и вполне научного. Книга Муханова с точки зрения академической науки представляет собой единственное в советской и российской историографической традиции исследование по истории Грузинской Демократической Республики 1918–1921 гг. Более того, это исследование в какой-то мере носит своего рода пионерский характер. И связано это с определенными тенденциями в отечественной историографии.

Приходится признать, что целый ряд тем, относящихся к периодам Первой мировой войны, революционных событий 1917–1922 гг., Второй мировой войны, оказались в советские годы под своего рода негласным запретом, причины которого вполне понятны. Считалось, что внутри СССР все проблемы между республиками и населяющими единую страну «братскими народами» уже решены.

Понятно, что в период распада Российской, Австро-Венгерской и Германской империй после Первой мировой войны процесс образования новых независимых государств происходил весьма болезненно. Вырвавшиеся из-под власти метрополий новые государства Восточной Европы и Кавказа устанавливали границы между собой со взаимными претензиями и кровью. С такими же взаимными претензиями и кровью устанавливались границы между советскими союзными республиками, а также границы автономий внутри них. История Грузинской Демократической Республики как раз и относилась к подобного рода проблематике.

Совершенно очевидно, что исследования всех вышеуказанных процессов и эпизодов ломали устоявшиеся стереотипы. И поэтому вся эта тематика была под своего рода негласным запретом — частичным или полным. В период распада СССР и суверенизации РСФСР эти ранее полузапретные и запретные темы стали мощным идеологическим оружием, как направленным против союзного Центра, так и служившим «топливом» для многочисленных межэтнических конфликтов.

При этом реакция российского академического сообщества на всю эту проблематику была довольно замедленной. Более того, достаточно долго отечественная историография ее попросту не замечала.

На это накладывались и своего рода политические обстоятельства. Постсоветская Россия образца 1992–1999 гг. (и даже до 2008 г.) проводила политику «беловежского национализма» (термин С.М. Маркедонова) — политику признания границ бывших союзных республик государственными. И активно выступала за территориальную целостность всех постсоветских государств[11]. В этой ситуации исследования таких тем, как история Грузинской Демократической Республики, оказались далеко на периферии интересов российского научного сообщества.

Определенный поворот произошел на стыке 1990-х и 2000-х годов. Тогда под влиянием происходящих в Восточной Европе политических трансформаций отечественная историография проявила внимание к проблематике революционных трансформаций 1917–1922 гг., межвоенному периоду и Второй мировой войне. Однако подчеркнем, что в основном эти исследования касались Восточной Европы, стран Балтии и некоторых бывших союзных республик (преимущественно Украины). Кавказская проблематика вообще и грузинская в частности оставались практически вне зоны внимания.

События 2008 г. привели к тому, что возник интерес и к грузинской проблематике. Однако он был скорее количественным, чем качественным. На рынок хлынула серия научно-популярных (с упором именно на популярность, а не на научность!) книг по российско-грузинским отношениям. Качество большинства из этих книг крайне невысоко. В них присутствуют многочисленные идеологические штампы, очевидны крайне невысокий уровень анализа и сиюминутная конъюнктура[12].

Рассматриваемая книга Вадима Муханова во многом заполняет пробелы в отечественной историографии и является своего рода первым серьезным ответом современной грузинской историографии.

Почти одновременно в Великобритании была издана книга английского журналиста и профсоюзного деятеля Эрика Ли[13], которую вскоре перевели на русский язык под названием «Грузинский эксперимент: забытая революция 1918–1921 гг.» и выпустили в России[14]. Она представляет собой апологию грузинских меньшевиков и их опыта государственного строительства[15]. Эрик Ли с легкостью игнорирует целый пласт имеющихся сегодня источников о той эпохе и создает далекую от реальности картину жизни в Грузии. Важно то, что вышеуказанный автор не является профессиональным историком, не владеет ни русским, ни грузинским языками и не работал в архивах ни в одной из стран. Очевидно, что его деятельность в профсоюзном движении фактически диктует его позицию при написании книги о Грузии революционной эпохи.

В этой связи фундаментальная работа В.М. Муханова выгодно отличается от творения Э. Ли. «Социализм виноградарей...» написан не только по опубликованным источникам, но и с широким привлечением архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Автор педантично рассматривает различные политические, социально-экономические, дипломатические и военные аспекты существования Грузинской Демократической Республики, не оставляя ничего важного без внимания (тут и отношения Грузии с кайзеровской Германией, с Антантой, с лидерами Белого движения и с Советской Россией).

Монография Вадима Муханова состоит из пяти частей и солидного документального приложения. В первой части *«На пути к независимости»* рассматривается ситуация не только в Грузии, но и во всем Закавказье от Февральской революции 1917 г. до провозглашения независимости Грузинской Демократической Республики 26 мая 1918 г.

Автор убедительно доказывает, что все попытки выстроить на обломках Российской империи единое государственное образование в Закавказье были изначально обречены на провал. Причина — разные устремления ведущих национальных партий региона (грузинских, армянских, азербайджанских). На это наложились и этноконфессиональные противоречия между ведущими национальными группами. Фактически ни грузинские, ни армянские, ни азербайджанские партии изначально не могли договориться.

Армянская часть выступала за создание государственного образования с включением Турецкой Армении или за вхождение в качестве автономного образования в состав России. Эти планы в свете тогдашней ситуации являлись весьма далекими от реальности (против них было как и фактическое обнуление российского фактора в Закавказье к началу 1918 г., так и стремление армянских политиков войти в состав небольшевистской России). Азербайджанские политики тяготели к своим турецким собратьям. Грузинские же политики всячески проблематизировали существование единого закавказского государственного образования. Как показывает В. Муханов, именно грузинская часть Закавказского сейма уже с начала 1918 г. ставила вопрос о создании независимой Грузии.

Следует согласиться с мнением автора, что из всех этнополитических сил Закавказья именно грузины имели к началу 1918 г. наиболее подготовленную и грамотную политическую элиту. При этом данная элита играла значительную роль в делах не только Грузии и Закавказского региона, но и всей России[16]. В. Муханов указывает, что своего рода центром локализации этой элиты была Кутаисская губерния, откуда вышли как грузинские меньшевики (Ной Жордания, Ной Рамишвили и т.д.), так и грузинские большевики (И.В. Сталин, Г.К. Орджоникидзе)[17]. Именно этот круг людей во многом и определял политику в регионе.

Автор убедительно показывает, что причиной развала Закавказской республики стала позиция грузинских и азербайджанских политических партий. Если для азербайджанских политиков был удобен союз с Турцией, то для грузинской стороны ключевую роль играл проект образования независимого Грузинского государства путем сепаратного сговора с Германией[18].

Таким образом, грузинские меньшевики фактически предпочитали ту же тактику, что и их конкуренты по социал-демократической партийной нише из числа большевиков.

Дополнительную роль в развале единого закавказского государственного образования сыграло то, что грузинские меньшевики исчерпали возможность собственного участия в общероссийском политическом процессе. Большевизация Советов после корниловского мятежа и приход к власти большевиков привели к тому, что грузинские меньшевики перестали играть весомую роль в российской политике и были вытеснены на периферию. В этой ситуации Грузия стала для меньшевиков своего рода площадкой для применения их политических талантов.

Важно подчеркнуть, что В. Муханов в своей книге убедительно показывает и другой аспект темы. В современной околоисторической и околополитической среде существует устойчивый миф о том, что позиция большевиков и якобы лично Льва Троцкого, провозгласившего лозунг «ни мира, ни войны, а армию распустить», фактически привела к потере российского государственного влияния в Закавказье. Вадим Муханов, не будучи симпатизантом большевиков, убедительно показывает, что «спусковым крючком» для дележки Кавказской армии стало противодействие грузинских меньшевиков и азербайджанских мусаватистов решениям большевистски настроенной значительной части солдатской массы армии признать решения Совнаркома. Таким образом, автор показывает картину, при которой в регионе шло противостояние двух полюсов сил. С одной стороны, были национальные советы (особенно активными из них были азербайджанский и грузинский), стремившиеся максимально отделить Закавказье от России. С другой — вожди большевистской солдатской массы, которые волей-неволей становились проводниками центростремительных тенденций в регионе.

При этом сама тема дележки имущества Кавказской армии рассматривается предельно внимательно. Особое внимание уделено событиям 9–12 января 1918 г. на станции Шамхор, вошедшим в историю как «Шамхорская резня»[19]. Напомним, что тогда в результате организованного нападения с целью захвата оружия и боеприпасов у возвращавшихся с турецкого фронта воинских частей старой армии погибло более двух тысяч русских солдат. Анализ событий показывает, что за ними стоял все тот же союз азербайджанских и грузинских политических и вооруженных формирований.

С одной стороны, лидеры грузинских политических сил не испытывали проблем с вооружением собственных формирований. Хранящихся на складах в Тифлисе и других городов региона арсеналов оружия было достаточно для того, чтобы вооружить грузинские формирования. Однако при этом для грузинских меньшевиков особую опасность представляла большевистская солдатская масса, которая неминуемо пришла бы в Тифлис. С другой стороны, для азербайджанских (или татарских, как говорили в те годы) политиче-

ских и вооруженных формирований имелась острая необходимость найти источники оружия. При этом для азербайджанской стороны угрозу представляла также и солдатская большевистская масса.

Заметим, что данная тема в советское время была жестко табуирована. Действительно, у шамхорской истории имелся не только политический и военный, но и ярко выраженный этнический аспект. Получается, что русскую солдатскую массу (а заодно и попадавшихся под руку армян) физически уничтожали азербайджанские вооруженные формирования при активной поддержке грузин. Эта история с трудом вписывалась в официальную советскую доктрину интернационализма.

Совершенно очевидно, что в постсоветскую эпоху тема шамхорских событий стала крайне болезненной для грузинской и азербайджанской национальных историографий. Они представляются там как закономерное сопротивление большевистской солдатской массе, которая якобы угрожала мирному азербайджанскому и грузинскому населению[20].

Нивелирование шамхорских событий, перекладывание вины с азербайджанских и грузинских сил на русскую солдатскую массу присущи не только соответствующим национальным историографиям, но и представителям специфических постсоветских левых сил. В частности, в 2015 г. в Москве вышла книга имеющего определенный авторитет в этих кругах публициста Льва Вершинина «Бежали храбрые грузины», которая представляет собой «фолк-хистори» версию российско-грузинских отношений. Касаясь темы шамхорских событий, Вершинин называет этот сюжет не иначе, как «вполне реальным спасением губерний от разнузданной гопоты»[21].

Подчеркнем, что разбор В. Мухановым шамхорской ситуации ставит точку в многочисленных инсинуациях по поводу дележки имущества Кавказской армии и не оставляет камня на камне от версии «спасения губерний от гопоты».

Особое внимание автор уделяет процессу распада Закавказской республики под давлением азербайджанских и грузинских политических сил, которые выбрали своими международными покровителями соответственно Турцию и Германию[22].

Вторая часть *«Время независимости: иллюзия свободы. Внутриполитическое положение Грузинской Демократической Республики»* посвящена анализу политического устройства независимой Грузии и ее социально-экономического положения. Содержание части охватывает вопросы создания политической системы, социально-экономического положения, образовательной и культурной политики, а также военного строительства в республике.

Важной темой части является вопрос о соотношении грузинского государственного суверенитета и различных типов иностранного вмешательства в дела Грузии, точнее, нескольких иностранных оккупаций — германской, турецкой, британской. Автор убедительно показывает, что грузинские власти фактически зависели от многочисленных оккупационных властей[23]. Отдельно

рассматривается вопрос о том, как именно иностранные патроны независимой Грузии, в первую очередь немецкие и британские, использовали территорию страны как своего рода ресурсную базу. Причем местами отношение иностранных партнеров к подведомственной территории напоминало грабеж.

В. Муханов подробно рассматривает конституционный проект, который в начале 1921 г. стал первой конституцией независимой Грузии[24]. И отмечает в нем множество прогрессивных и демократических для своего времени норм, которые могут говорить о том, что тогдашние грузинские власти старались построить современное и демократическое государство. Однако он же показывает нам, как это декларируемое ими стремление к построению демократического государства натыкалось на реалии внешней зависимости от различных оккупантов, а также на реалии самой тогдашней Грузии.

Анализ сложившейся в Грузии в 1918–1921 гг. политической системы В. Муханов проводит через призму того, как именно грузинские меньшевики получали монополию на политическую власть в стране. Автор рассматривает становление политической системы независимой Грузии с того момента, когда в начале 1918 г. внутри Грузинского национального совета начались первые обсуждения возможного конституционного устройства не только Грузии, но и всего Закавказья[25].

Автор детально показывает эволюцию взглядов грузинских меньшевиков по отношению к вопросу о независимости Грузии. Если на начальном этапе некоторые представители меньшевиков (например, председатель Общезакавказской конституционной комиссии Серго Джапаридзе) еще поддерживали проект общего государственного образования в Закавказье, то представители других грузинских партий (национал-демократы, социал-федералисты и т.д.) выступали за независимое грузинское государство. Отметим, что Джапаридзе считал препятствием для существования отдельного грузинского государства малочисленность самого грузинского этноса и его отрезанность от бакинской нефти[26]. Однако дрейф к грузинскому сепаратизму внутри независимого Закавказья стал очевиден еще в начале 1918 г., и уже в конце мая меньшевики были в авангарде движения за независимость Грузии не только от России, но и от Закавказья в целом.

Рассматривая эволюцию грузинских конституционных проектов, легших в основу Конституции Грузии 1921 г., В. Муханов показывает, что вопрос об основной форме правления — президентской или парламентской — решался в интересах меньшевиков. Их партия, не имевшая одного определенного лидера, а представлявшая своего рода плеяду амбициозных фигур, не могла выставить единого кандидата на президентских выборах. В то же время правые партии (те же национал-демократы) выступали за президентскую республику[27].

Таким образом, В. Муханов выделяет своего рода примат партийных меньшевистских интересов при строительстве независимого грузинского государства. При формальной многопартийности Грузия оказалась государством, по-

строенным по лекалам меньшевиков и во многом отвечающим их интересам. В этой связи вполне уместно провести параллель с Советской Россией, где идея построения социалистического государства стала инструментом власти большевистской партии.

Не менее интересен анализ В. Мухановым строительства вооруженных сил независимой Грузии[28]. В первую очередь он обозначил важнейший конфликт, существовавший между профессиональными военными, бывшими офицерами царской армии и руководством меньшевистской партии, которые создавали собственные парамилитарные вооруженные формирования в виде Народной гвардии, которая имела обособленное командование и подчинялась напрямую политическому руководству страны во главе с Н.Н. Жордания[29]. Таким образом, в строительстве вооруженных сил принцип меньшевистской партийности также доминировал над государственными интересами.

Третья часть *«На дальних берегах. Внешняя политика Грузинской Демократической Республики»* посвящена попыткам властей Грузинской республики добиться международного признания своего государства.

Подробно разбираются грузино-германские[30], грузино-турецкие[31] и грузино-британские отношения[32]. Отдельно освещается такой малоизвестный широкому кругу вопрос, как неудавшаяся попытка установления итальянского военного присутствия в Закавказье и в Грузии в 1919–1920 гг.[33] Тема взаимоотношений Грузии с западными государствами и Турцией освещается с точки зрения планов, которые государства Антанты имели в отношении Грузии.

Автор выделяет несколько блоков грузинских внешнеполитических проблем времен Первой республики. Первый блок — это взаимоотношения со странами Четверного союза, т.е. с Германией и Турцией. Грузия опасалась агрессивной активности Турции. Более того, проблема выстраивания нормальных отношений с Турцией была ключевой при провозглашении грузинской независимости. С другой стороны, фактически за счет сделки с Германией Грузия нейтрализовала возможную турецкую агрессию. Второй блок — это отношения Грузии со странами Антанты после поражения Германии, т.е. победителями в мировой войне.

Автор показывает, что Грузия всеми силами стремилась получить признание де-факто и де-юре со стороны этих государств. Однако те подходили к проблеме независимой Грузии сугубо прагматически, исходя из нескольких аспектов: во-первых, исходя из своих приоритетов при переделе территории Ближнего Востока, во-вторых, из экономической целесообразности своего пребывания в Грузии. В отличие от богатого ресурсами Азербайджана Грузия не была столь привлекательна. В этой связи отметим описанную в книге В. Муханова попытку замены в Закавказье британского военного контингента на итальянский. В-третьих, на вопрос о признании влияли ход Гражданской войны в России и изменение расклада сил в ней. Страны Антанты покровительствовали Белому движению, участники которого придерживались лозунга

единой и неделимой России. Соответственно, они были противниками независимости Грузии. В частности, отмечается, что первые признания де-факто начались во второй половине 1919 г., когда стала вырисовываться перспектива победы большевиков[34].

Четвертая часть *«Время независимости: удавка национализма. Грузия и ее ближайшие соседи»* посвящена тому, как именно Грузинская республика выстраивала отношения с «коллегами» по государственному самоопределению (Армения, Азербайджан) и с ранее входившими в состав Тифлисской и Кутаисской губерний Абхазией и Южной Осетией, на территории которых она также претендовала и считала своими.

Бóльшая часть затронутой в книге тематики ранее практически не рассматривалась в отечественной историографии. К таким сюжетам следует отнести подробное рассмотрение автором такой непростой темы, как грузино-армянская война 1918 г., случившаяся в результате острого территориального спора между Грузинской и Армянской республиками[35]. Более того, в определенном смысле можно сказать, что В.М. Муханов фактически является первооткрывателем этой темы в отечественной историографии. Ему удалось написать детальную хронику конфликта между двумя республиками и расписать по дням весь ход войны в декабре 1918 г., опираясь на богатейший архивный материал, извлеченный в первую очередь из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Подчеркнем, что большинство используемых Мухановым документов впервые вводятся в научный оборот.

В книге В. Муханова впервые в отечественной историографии подробно рассмотрены предпосылки, ход и последствия Сочинского конфликта 1918–1919 гг. между Грузинской Демократической Республикой и Добровольческой армией А.И. Деникина[36]. Отметим, что такие темы, как грузино-армянская война или Сочинский конфликт, не только малоизучены, но и оставались до недавнего времени неизвестными широким кругам. О том же Сочинском конфликте большинство советских людей с удивлением узнавало из романа А.С. Серафимовича «Железный поток».

Совершенно очевидно, что изучение подобного рода тем в советские годы было фактически табуировано по причине существования официальной интернационалистической доктрины. И разбор, например, грузино-абхазских отношений периода 1918–1921 гг. мог привести к воспалению старых ран. Хотя, как показал последующий опыт, табуирование таких «опасных тем» вовсе не привело к нивелированию конфликтов, а стало во многом причиной их последующего возгорания.

В постсоветское время тема грузино-абхазских и грузино-осетинских отношений была фактически вне зоны интереса российской историографии. Вся эта проблематика была отдана на откуп грузинской историографии, которая стала рассматривать тему исключительно в контексте российско-грузинских отношений. Монография Вадима Муханова ломает этот стереотип, так

как грузинской политике в отношении Абхазии и Южной Осетии посвящены отдельные главы[37], где проводится детальный анализ политической линии Тифлиса на абхазском и югоосетинском треках.

«Политика грузинского правительства в отношении национальных меньшинств на своей территории и в отношении других закавказских национальностей отличалась однобокостью и диктатом (стойким нежеланием выстраивать добрососедские отношения, а тем более понимать и принимать в расчет отличную от своей позицию). Грузинский национализм, ставший базисом для политической элиты республики того времени, привел последнюю в конфронтацию и острый конфликт с другими нациями и народностями, оказавшимися как на территории демреспублики, так и по ее границам. Тяжелее всего было народностям внутри Грузинской республики, так как им пришлось испытать все перекосы и перегибы (а иногда жесткость и просто откровенную жестокость со стороны республиканских властей, их представителей и вооруженных сил). Это в первую очередь относится к осетинам и абхазам»[38], — пишет В. Муханов. Трудно не согласиться с данным мнением.

Автор справедливо указывает, что «официально не расписанные отношения между Тифлисом и Сухумом находились в практически разорванном состоянии. Пропасть между умонастроениями и чаяниями абхазской и грузинской элит только увеличилась с 1918 г. В реальной жизни антигрузинские настроения в абхазском обществе окрепли и разрослись. Тифлис так ничего и не смог предпринять для сглаживания этих весьма острых противоречий». Более того, Муханов особо подчеркивает, что «массовое недовольство грузинской политикой как абхазским обществом, так и его элитой закономерно привело к росту протестных настроений в обществе и симпатий к большевикам (Советской России)... Подобные настроения серьезно облегчили военную операцию Красной армии на территории Абхазии в 1921 г., когда грузинские войска оказались без всякой поддержки населения и вынуждены были стремительно отступать за р. Ингур... абхазы самым активным образом участвовали в операции Красной армии против Грузинской республики и внесли заметный вклад в разгром сил противника и итоговую победу, приведшую к советизации Грузии»[39].

Отдельные главы посвящены анализу грузинской политики в отношении Северного Кавказа и непростым взаимоотношениям с Белым движением[40]. В книге отмечается высокая заинтересованность грузинских властей в сотрудничестве с северокавказскими элитами и, как следствие, разнообразная помощь и поддержка, оказываемые последним из Тифлиса, в первую очередь для борьбы с противниками с севера — белыми и красными. Муханов подчеркивает, что «Тифлис с конца 1918 г. стал оценивать Северный Кавказ как своего естественного союзника и как важнейший защитный барьер перед северной угрозой (в лице любой российской силы, будь то белые или красные). С первого года независимости ГДР оглядывалась в этом направлении и старалась периодически помогать тем силам на Северном Кавказе, которые декларировали свою самостоятельность и намерение бороться с Белым движением или большевиками. Грузинские политики отлично понимали, что чем лучше они смогут подпитывать дружественные им власти на Северном Кавказе, тем спокойнее они будут себя чувствовать по поводу своей северной границы»[41]. Подводя итог политики Грузии на этом направлении, автор справедливо подмечает, что «северокавказский барьер для Грузии сработал (в 1919–1920 гг.), но только один раз, против одной северной угрозы (в лице Белого движения), и одновременно стал мостиком для второй — большевиков...»[42].

Пятая часть *«Советизация Закавказья»* охватывает не только события в Грузии, но и более широкий круг событий — советизацию Азербайджана[43], Армении[44] и советско-грузинскую войну 1921 г.[45] Подчеркивается роль Кавбюро ЦК РКП (б) в лоббировании и проведении операции по советизации региона, особо анализируются споры в большевистской верхушке по вопросу сроков и направленности данной операции[46]. Подробно рассмотрены как советско-грузинские взаимоотношения до 1921 г., в частности причины подписания известного Московского договора 1920 г. между Советской Россией и Грузинской республикой и его условия[47], так и весь ход советско-грузинской войны 1921 г., вплоть до последних выстрелов в Батуме[48].

Бесспорным украшением работы представляется многостраничное документальное приложение, куда вошли аж 162 документа[49]. Часть из них извлечена из российских архивов — ГАРФ и РГАСПИ — и впервые вводится в научный оборот, а другая, уже публиковавшаяся и почти забытая, — выбрана из грузинских, азербайджанских и советских сборников, а также мемуаров важных персон эпохи, например крайне ценный фрагмент из воспоминаний командующего грузинскими войсками генерала Г.И. Квинитадзе.

Таким образом, книга Вадима Муханова представляет собой целостное исследование истории Грузинской Демократической Республики 1918–1921 гг. и фактически является первым профессиональным российским ответом грузинской историографии. С учетом непростых отношений между Россией и Грузией эта книга представляет не только академический интерес. И ее читательской аудиторией должны стать не только историки и политологи, но политики и дипломаты, занятые на кавказском направлении.

Примечания

[1] *Муханов В.М.* «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской Республики: 1917–1921. М., 2019; см. также фактически первое издание, вышедшее ранее мизерным тиражом: *Муханов В.М.* Грузинская Демократическая Республика: от первых дней независимости до советизации: 1918–1921. М., 2018.

[2] *Муханов В.М., Волхонский М.А.* По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2008.

[3] См., например: *Фомин А.М.* Рецензия на книгу: *Муханов В., Волхонский М.*

По следам Азербайджанской Демократической Республики // Русский сборник. М., 2009. Т. 6. С. 317–324.

[4] Цит. по: Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. 1989–2006: Документы. М., 2007. С. 50.

[5] Цит. по: *Александров М.* Идеологические основы континуитета в Прибалтике и Закавказье: Сравнительный анализ // Идеологические основы континуитета в Прибалтике и Закавказье: сравнительный анализ / Михаил Александров — ИА REX (iarex.ru). 09.02.2014.

[6] Там же.

[7] *Искандарян А.* Армения: удревление модерна // Национальные истории на постсоветском пространстве — II. М., 2010. С. 243.

[8] Там же. С. 242.

[9] *Джанелидзе О., Сиамашвили Г.* По следам «белых пятен» истории Грузии // Национальные истории на постсоветском пространстве — II. М., 2010. С. 245.

[10] Там же. С. 250.

[11] *Маркедонов С., Захаров А.* «Пятидневная война» на Кавказе: последствия реальные и мнимые / Общая тетрадь. 2009. № 1 // «Пятидневная война» на Кавказе: последствия реальные и мнимые / Общая тетрадь (otetrad.ru).

[12] Например, сюда можно отнести книгу публициста А. Епифанцева «Будет ли новая российско-грузинская война? Крах грузинской мини-империи» (М., 2010).

[13] *Lee E.* The Experiment: Georgia's Forgotten Revolution 1918–1921. L., 2017.

[14] *Ли Э.* Грузинский эксперимент: забытая революция 1918–1921 гг. / Пер. с англ. М.; СПб., 2019.

[15] См. ниже отдельную рецензию В.В. Новикова на книгу Эрика Ли.

[16] *Муханов В.М.* «Социализм виноградарей...» С. 22–23.

[17] Там же. С. 22.

[18] Там же. С. 83–89.

[19] Там же. С. 32–73.

[20] В этой связи уместно обратить внимание: *Гасанлы Дж.* Русская революция и Азербайджан. Трудный путь к революции (1917–1920 гг.). М., 2011. С. 67–69.

[21] Подробнее см.: *Вершинин Л.* «Бежали храбрые грузины». Неприукрашенная история Грузии. М., 2015.

[22] *Муханов В.М.* Указ. соч. С. 77–89.

[23] Там же. С. 107–142.

[24] Там же. С. 93–106.

[25] Там же. С. 93–95.

[26] Там же. С. 94.

[27] Там же. С. 97–98.

[28] Там же. С. 230–267.

[29] Там же. С. 234–240; 266–267.

[30] Там же. С. 289–310.

[31] Там же. С. 311–321.

[32] Там же. С. 322–326; 334–382.

[33] Там же. С. 326–333.

[34] Там же. С. 346–356.

[35] Там же. С. 391–452.

[36] Там же. С. 521–551.

[37] Там же. С. 453–484; 485–500.

[38] Там же. С. 485.

[39] Там же. С. 482.

[40] Там же. С. 501–519; 520–551.

[41] Там же. С. 506.

[42] Там же. С. 519.

[43] Там же. С. 552–557.

[44] Там же. С. 571–575.

[45] Там же. С. 592–620.

[46] Там же. С. 565–570; 576–584.

[47] Там же. С. 558–564.

[48] Там же. С. 585–620.

[49] Там же. С. 621–900.

История Грузинской Демократической Республики 1918–1921 гг. и современная российская историография

(на примере книги В.М. Муханова)

Владимир Владимирович Новиков

Статья представляет собой рецензию на монографию старшего научного сотрудника Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО Вадима Муханова «"Социализм виноградарей", или История Первой Грузинской республики 1917–1921 гг.» (2019). Книга Муханова рассматривается как важное и нужное научное произведение, которое посвящено истории первой Грузинской республики. Данный вопрос имеет не только научно-прикладное, но и политическое значение.

Ключевые слова: Муханов, Грузинская республика, история, конфликты, историография.

History of the Georgian Democratic Republic of 1918–1921 and modern Russian historiography

(on the example of the book by V.M. Mukhanov)

Vladimir V. Novikov

The article is a review of the monograph by Vadim Mukhanov, (MGIMO's Senior Researcher, Center for Caucasus Problems and Regional Security) "„Socialism of Winegrowers", or the history o f First Georgian Republic 1917–1921" (2019). Mukhanov's book is considered as an important and necessary scientific work, which is devoted to the history of the first Georgian Republic. This issue has not only scientific and applied significance, but also political significance.

Keywords: Mukhanov, Georgian Republic, history, conflicts, historiography.